

УДК 61(091)

Поляков П.В.¹

**СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ
АЛЕКСАНДРА I В СОБЫТИЯХ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН И
ПОСЛЕВОЕННОГО ОБУСТРОЙСТВА ЕВРОПЫ**

Тулский государственный университет

Polyakov P.V.

**THE MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY ON THE ROLE OF
ALEXANDER I IN THE EVENTS OF THE NAPOLEONIC WARS AND
THE POSTWAR RECONSTRUCTION OF EUROPE**

Tula State University

Аннотация. Статья содержит историографический обзор научных публикаций периода 2005—2015 гг., затрагивающих вопросы роли личности Александра I в событиях Наполеоновских войн.

Ключевые слова: история, историография, Наполеоновские войны, военная история.

Abstract. This article contains historiographical review of scientific publications dealing with matters in the role of the personality of Alexander I in events of the Napoleonic wars.

Keywords: history, historiography, Napoleonic wars, military history.

Личность Александра I, одного из самых противоречивых правителей российской истории, неизменно привлекало внимание исследователей. Его правление неразрывно связано с событиями наполеоновских войн, ключевыми вехами в нем являются Аустерлиц, Тильзитский мир, «гроза двенадцатого года» и последующие заграничные походы, проблемы европейской политики послевоенного периода.

Перемены последних двух десятилетий в отечественной историографии войны Отечественной войны 1812 г., отход от прежних официозных догматических установок и

¹ Поляков Павел Владимирович — канд. ист. наук, доцент Тульского государственного ун-та

штампов, позволили по-новому взглянуть на многие события, иначе оценить действия их непосредственных участников.

Дискуссионным в отечественной историографии остается вопрос о проблеме выбора вектора внешней политики на рубеже XVIII—XIX в., а также того, в какой степени этот выбор зависел от действий правящего монарха.

В значительной степени под влиянием заключенного в конце XIX в. франко-русского союза и охлаждения отношений России с прежними союзниками по антинаполеоновской коалиции — Австрией и Германией, чьи правящие дома воспринимались российскими либералами как естественные союзники самодержавного деспотизма, в трудах как отечественных, так и французских историков того времени возникает утверждение, что наметившееся в конце правления Павла I сближение России и Франции не являлось очередной прихотью российского самодержца, но вполне закономерным событием. В сочинениях А.С. Трачевского и А. Вандаля предпринимается попытка обосновать этот тезис. В качестве объективных предпосылок франко-русского союза называют отсутствие общей границы и, следовательно, территориальных споров, наличие общих интересов у России и Франции в Европе и на Востоке. В советский период последовательным сторонником данной точки зрения выступал А.З. Манфред. Согласно мнению Манфреда, в правление Павла «открылись два возможных пути решения французской проблемы: соглашение с существующим французским правительством, с первым консулом Бонапартом, что означало сговор против Англии и Австрии или же к традиционной и с точки зрения Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов принципиальной политике восстановления на французском троне законной династии Бурбонов. ...Павел I пришел к заключению, что государственные, стратегические интересы России должны быть поставлены выше отвлеченных принципов легитимизма» [6]. Следовательно, разрыв отношений с Францией в правление Александра I продемонстрировал желание нового российского монарха вернуться на «проторенную колею» российской внешней политики, готовность Александра I пожертвовать некими «государственными, стратегическими интересами» ради абстрактных принципов легитимизма.

В известной степени продолжателем идей А.З. Манфреда в настоящее время выступает О.В. Соколов. В своей статье «Погоня за миражом. Политическая обстановка и план Наполеона накануне войны», монографиях «Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг.» и «Битва двух империй, 1805—1812 гг.» О.В. Соколов последовательно отстаивает тезис о естественном характере и исторической предопределенности франко-

русского соглашения на рубеже XVIII—XIX в. По мнению автора, причиной разрыва стал субъективный фактор — иррациональная, не имеющая объяснения ненависть Александра I к Наполеону, которая стала для русского монарха главным побудительным стимулом в деле создания антифранцузских коалиций: «Как это ни кажется невообразимым, но и политические, и экономические вопросы были только поводом и способом для реализации этой иррациональной злобы» [9, с. 423].

По мнению О. Соколова инициатива развязывания военных действий в Европе в 1805—1807 и 1812 гг. принадлежала Александру I, а действия французского императора, включая и «нашествие двенадцати языков» в 1812 г. являлись вынужденной ответной реакцией. Такой подход закономерно вызвал критические отзывы. В.М. Безотосный отмечает, личная что ненависть Александра I вряд ли может считаться побудительным мотивом для начала войны, он справедливо замечает, что российский Император питал неприязнь ко многим своим коронованным коллегам, но не начинал на этом основании против них боевых действий [2, с. 17]. С ним солидарен А.А. Орлов, отмечая в своей монографии, что многие историки прошлого преувеличивали значение оскорбления, нанесенного Александру I ответом в газете *Le Moniteur universel* на российскую ноту по случаю казни герцога Энгиенского. По мнению А. Орлова, Александр I как никто другой умел переносить подобные оскорбления, если это приносило политические дивиденды. Если и не сбрасывать со счетов фактор личной обиды, он нашел отражение в другом. Казнь герцога Энгиенского, совершенной вопреки всем нормам тогдашнего права и последующим принятием императорского титула Наполеон нанес оскорбление не только Александру I, но и всем европейским монархам, наглядно продемонстрировав им, что намерен править деспотически, опираясь исключительно на силу и не связывая себя какими-либо нормами политики и этики [7, с. 17, 18]. Таким образом, личной антипатии Александра I к «корсиканскому выскочке» явно недостаточно для объяснения причин участия России в коалиционных войнах. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг.¹

Еще одно объяснение участия Александра I в антифранцузских коалициях присутствует в трудах Н.А. Троицкого. В своих исследованиях автор критикует трактовку событий Отечественной войны 1812 г. и наполеоновских войн в целом, принятую официальной советской исторической наукой. Это должно внушать уважение, поскольку начиная с 30-х

¹ По мнению Л.Л. Ивченко «Свести историю противостояния России и Франции исключительно к тщеславному эгоизму русского императора, стремившегося из зависти затмить Наполеона, все равно что свести "династическое безумие" Наполеона, его стремление добыть себе и своим родственникам короны и титулы к зависти к помазанникам Божьим, в том числе к русскому царю» [4, с. 130].

гг. XX в. события Отечественной войны освещались почти исключительно сквозь призму сталинского исторического мифа, что крайне затрудняло адекватную оценку событий и личностей, принимавших в них участие¹. В то же время приверженность ортодоксальной марксистской идеологии приводит Н.А. Троицкого к закономерным выводам относительно природы антинаполеоновских коалиций, которые представляются орудием европейской реакции, создаваемым с заведомо агрессивными целями. По сути, это пересказ идей немецкой исторической школы о неких агрессивных, захватнических целях, преследуемых Россией в ходе наполеоновских войн, представленной такими столпами консерватизма и шовинизма, как Г. фон Трейчке и пр. — что неудивительно, поскольку основатели марксизма за неимением пролетарских историков охотно обращались к сочинениям этих авторов в процессе подгонки исторических фактов под свою теорию. По мысли Н.А. Троицкого, все преобразования Александра I являлись поначалу временным увлечением, а затем ширмой для реакционных замыслов монарха. Исследователь делает смелый вывод, согласно которому Александр I учредил бы в России «аракчеевщину» уже в 1804 г., если бы не помешало начало войны Третьей коалиции (основание для этого Н.А. Троицкий усматривает в возвращении ко двору А.А. Аракчеева годом ранее). В международной политике, по мнению Троицкого, роль Александра I была негативной: «Если Наполеон представлял буржуазный прогресс, то Александр — феодальную реакцию (в Европе возглавлял Священный Союз как международную жандармерию, а в России насаждал режим военных поселений, самовластие аракчеевых и магницких)» [10, с. 377]. Хотя исследователь и делает оговорку, что по своим методам и Александр I и Наполеон являлись деспотами, из контекста очевидно, что деспотизм «исторически прогрессивного» Наполеона гораздо милее сердцу историка-марксиста, нежели деспотизм российского самодержца.

Слабость подобного подхода заключается в том, что при его использовании мало учитываются реалии европейской политики начала XIX в., приносимые в жертву идеологическим догмам. Не учитывается традиционный антагонизм в отношениях России и Франции, имевший место на протяжении большей части XVIII в. Диаметральнo противо-

¹ Д. Ливен дает прекрасную характеристику подобной сталинского исторического мифа, последствия которого ощущаются и поныне: «Историческая реальность военных усилий России в 1812—1814 гг. подверглась основательным искажениям, чтобы соответствовать понятиям сталинского советского патриотизма. Личность Александра I была принижена и подвергнута суровой критике, а международный контекст войн искажен: Кутузов возвышался на уровень Наполеона или даже выше, в то время как его придворные связи и аристократическое происхождение (как и князя П.И. Багратиона) замалчивалось; значение народного сопротивления преувеличивалось, а сопротивление безжалостным усилиям царской власти по проведению массовой мобилизации иногда интерпретировалось как символический элемент народной войны — как против французов, так и против внутренней тирании». [5, с. 317]

положная позиция двух великих держав по германскому, польскому вопросам, последовательная поддержка Францией исторического врага России — Османской империи — все эти факторы делали сколь либо длительное франко-русское сближение невозможным¹. События французской революции и последующей диктатуры Наполеона добавили к прежнему соперничеству острые идейные разногласия. Какой выбор оставался в такой ситуации у Александра I?

Очевидно, Императору следовало считаться с мнением дворянства, на тот момент являвшегося единственным политически активным сословием, если он желал, чтобы его правление было долгим и успешным. Совершенно справедливым представляется следующее высказывание В.М. Безотосного: «Россия крепостническая (другой России тогда не было) очень четко определяла Францию, даже сохранившую к тому времени лишь тень революционных традиций, как своего главного идеологического соперника» [1, с. 12]. Попытка монарха игнорировать всеобщее мнение дворянства могла иметь только трагические последствия. По мнению значительной части исследования, именно сближение с наполеоновской Францией явилось катализатором, ускорившим заговор против Павла I и доведшим его до логического завершения. В.М. Безотосный так говорит о мотивах заговорщиков: «Они сподобились на такой поступок — подняли руку на помазанника Божьего не из-за денег, а по глубокому убеждению, что жить под таким правлением уже больше невозможно, а стране грозила серьезная опасность» [2, с. 24].

Помимо необходимости руководствоваться инстинктом самосохранения, Александр I объективно, должен был учитывать перемены, которые произошли в мировой политике с началом французской революции. Баланс сил, сложившийся в Европе в середине XVIII столетия был необратимо нарушен, взамен прежней системы равновесия ведущих европейских держав, основанной на взаимной договоренности, по словам А.А. Орлова, «складывалась совершенно иная ситуация, при которой определяющим фактором развития было право сильного. Европа оказалась отброшена далеко назад, к периоду до Вестфальского мира» [7, с. 14]. Для России появление государства, претендовавшего на гегемонию в Европе всегда представляла смертельную опасность — примеры из недавней истории XX столетия, более чем красноречивы. Если пытаться объяснить действия Александра I с точки зрения модной ныне геополитики, они представляются в сложившейся

¹ Подробности русско-французского противостояния в XVIII хорошо отражены в монографии С.Г. Нелиповича «Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.» (М., 2010).

обстановке единственно правильными, оказавшись перед выбором: полностью покориться воле Наполеона или сражаться до последнего, Александр I выбрал второй вариант и защищая монархические государства Европы от Наполеона объективно действовал в интересах своей страны, ослабляя соперника и удерживая соседей в лагере врагов, а не саттелитов Наполеона. Этот очевидный факт вполне осознавался и советской историографией: В.М. Безотосный приводит высказывание исследователя 60-х гг. прошлого века Н.И. Казакова: «Александр, борясь за сохранение Австрии, Пруссии и других стран тем самым боролся за сохранение собственной империи» [2, с. 39].

Роль Александра I в событиях Отечественной войны 1812 г. в современной исторической литературе оценивается достаточно высоко. Военные приготовления России — реформа армии, разработка Барклаем де Толли плана будущей войны, разведывательные мероприятия, в целом позволившие получить достоверные сведения о намерениях Наполеона накануне и в ходе войны, следует признать успешными. Тезис о ответственности Императора за просчеты первого периода войны — принятие плана Пфуля, строительство укрепленного Дрисского лагеря, разделение Западных армий — в настоящее время многими исследователями не разделяется. Советский историк В.В. Пугачев еще в 60-е гг. XX в. ставил под сомнение искренность намерений русского командования в отношении Дрисского лагеря, считая мероприятия по его строительству демонстрацией, с целью дезинформации противника. К подобным выводам в своей монографии приходит и В.М. Безотосный. По его мнению, предоставление Пфулю *carte blanche* для претворения в жизнь своих идей должно было переложить на него в глазах командного состава и общества вину за отступление русских армий в первые дни войны так, чтобы обвинения не коснулись самого Александра I. Еще одним возможным кандидатом на роль жертвы в угоду общественному мнению Безотосный называет маркиза Паулуччи, еще одного «немца», на короткое время оказавшегося во главе штаба 1-й Западной армии. Доброе имя маркиза спасло то, что в напряженной обстановке он за считанные дни буквально «сгорел на работе» и был вынужден оставить Главную квартиру по состоянию здоровья, невольно не оправдав тем самым надежд монарха [1, с. 173, 174]. Сходной точки зрения на проблему Дрисского лагеря придерживается и П.Н. Грюнберг [3, с. 135—138].

К заслугам Александра I в войне 1812 г. относят назначение на должности главнокомандующего русскими армиями М.И. Кутузова по рекомендации Чрезвычайного комитета по выбору командующего.

Александр I возглавлял административный аппарат Российской империи, в целом успешно справлявшийся с задачей проведения мобилизации всех наличных ресурсов страны в условиях неприятельского нашествия. «Однако главная его заслуга заключалась в непоколебимом решении не вступать в мирные переговоры с Наполеоном I до тех пор, пока на территории России остается хотя бы один неприятельский солдат. Ни поражения начального периода войны, ни оставление Москвы не изменили его позицию, что свело на нет саму возможность победы Наполеона» [8, с. 29].

Роль Александра I в организации окончательного разгрома Наполеона в современной исторической литературе не ставится под сомнение. Если прежде внимание традиционно уделялось организаторским способностям российского самодержца, фактически возглавлявшего шестую антинаполеоновскую коалицию, то в настоящее время упоминаются и его военные дарования. Александр I утвердил разработанный в ходе Трахенбергской конференции К.Ф. Толем и Й.Ф. Радецким план военных действий, впервые позволивший союзным армиям добиться стратегического превосходства над Наполеоном и претворял его в жизнь в течение кампаний 1813—1814 гг. Накануне Лейпцигского сражения русский Император наотрез отказался утвердить предложенную Шварценбергом диспозицию, справедливо оценив ее как естественную ловушку для союзных войск, а во время знаменитой «атаки Мюрата» у с. Госса, ставшей кульминационным моментом первого дня сражения именно грамотные распоряжения Александра I не позволили французам перехватить инициативу в «Битве народов» [1, с. 276, 277]. Наконец, прибытие Александра I в действующую армию в 1814 г. объективно способствовало преодолению разногласий среди высшего командного состава союзников и успешное наступление на Париж, победоносно завершившее войну.

Деятельность Александра I во главе Священного Союза в современной исторической литературе оценивается противоречиво, но в целом положительно. Добровольный союз монархов, возникший по итогам Наполеоновских войн рассматривается как альтернатива программе насильственной интеграции, предложенной Наполеоном и при таком сравнении заметно выигрывает. В период своего могущества Наполеон распоряжался в странах континентальной Европы с позиций силы, а не права, по своему усмотрению свергая и назначая правителей, вводя и отменяя законы, перекраивая границы. Это можно воспринимать по-разному, но независимо от оценок, он мог сохранять подобное положение вещей только подтверждая свою силу. После первых же катастрофических поражений Наполеона покоренные им народы восстали против поработителя. Идеи Европейской ин-

теграции, озвученные Александром I базировались в первую очередь на личных договоренностях монархов. В.М. Безотосный справедливо замечает, что эти принципы опередили свое время, поскольку не имели экономической базы. Новое их издание произошло спустя столетия [1, с. 49]. В то же время инициатива российского монарха не прошла бесследно: в результате деятельности конгрессов Священного Союза были заложены принципы современного международного права, некоторые идеи озвученные Александром I и в настоящее время востребованы в рамках процессов европейской интеграции. Отсутствие в Европе на протяжении четырех десятилетий крупных войн также можно считать заслугой дипломатии Священного Союза и лично Александра I.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безотосный В.М. Наполеоновские войны М., 2010.
2. Безотосный В.М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия и геополитика. М., 2012.
3. Грюнберг П.Н. Стратегический план высшего командования русских армий на начальном этапе кампании 1812 г. // Записки Бенкендорфа. М., 2001.
4. Ивченко Л.Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008.
5. Ливен Д. Россия и разгром Наполеона. Эпоха 1812 года // Труды ГИМ. Исследования. Источники. Историография. VI. Вып. 166. М., 2007.
6. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт М., 1971.
7. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.
8. Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813—1814 годов: энцикл. / Ред. Безотосный В.М., Подмазо А.А., Васильев А.А. и др. М., 2012.
9. Соколов О.В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг. М., 2007.
10. Троицкий Н.А. Александр I против Наполеона М., 2007.

REFERENCES

1. Bezotosnyj V.M. Napoleonovskie vojny M., 2010.
2. Bezotosnyj V.M. Rossiya i Evropa v jepohu 1812 goda. Strategija i geopolitika. M., 2012.

3. Grjunberg P.N. Strategicheskiy plan vysshego komandovanija russkih armij na nachal'nom jetape kampanii 1812 g. // Zapiski Benkendorfa. M., 2001.
4. Ivchenko L.L. Povsednevnaia zhizn' russkogo oficera jepohi 1812 goda. M., 2008.
5. Liven D. Rossiia i razgrom Napoleona. JEpoha 1812 goda. // Trudy GIM. Issledovanija. Istochniki. Istoriografija. VI. Vyp. 166. M., 2007.
6. Manfred A.Z. Napoleon Bonapart M., 1971.
7. Orlov A.A. Sojuz Peterburga i Londona. Rossijsko-britanskie otnoshenija v jepohu napoleonovskih vojn. M., 2005.
8. Otechestvennaja vojna 1812 goda i osvoboditel'nyj pohod russkoj armii 1813—1814 godov: jencikl. / Red. Bezotosnyj V.M., Podmazo A.A., Vasil'ev A.A. i dr. M., 2012.
9. Sokolov O.V. Austerlic. Napoleon, Rossiia i Evropa, 1799—1805 gg. M., 2007.
10. Troickij N.A. Aleksandr I protiv Napoleona M., 2007.

Рецензенты:

Самарцева Е.И., докт. ист. наук, профессор, зав. кафедрой Тульского государственного ун-та;

Дранишников А.А., канд. ист. наук, профессор, зав. кафедрой Тульского государственного ун-та.